

но описание культуры изучаемого народа, но, как правило, без подробного рассмотрения действующих правовых норм.

Среди общего комплекса источников можно выделить: во-первых, наблюдения за жизнью и бытом «инородцев», принадлежащие путешественникам и официальным лицам: военным и чиновникам пограничной администрации, журналистам, датируемые концом XVIII — серединой XIX века; во-вторых, собственно этнографические работы: публикации, архивные материалы, отчеты экспедиций, относящиеся к первой трети XIX — началу XX века. Одни из этих работ имеют историографический характер, другие посвящены интерпретации и реконструкции тех или иных явлений культуры кочевых народов.

Отдельным источником по современному положению казахской женщины стали полевые материалы автора, полученные в ходе работ в этнографических экспедициях на территории Республики Казахстан.

1.1. Этнографические материалы

Первые исторические сведения о народах, населяющих территорию Центральной Азии, содержатся в работах ученых путешественников — П.С. Палласа (1809), И.Г. Георги (1776), Н.П. Рычкова (1772), И.П. Фалька (1824). Их работы являются примером целенаправленного изучения истории, географии страны, быта и культуры местного населения. Этнографические сведения в этих источниках касаются отдельных сторон семейно-брачных отношений, описания обрядов жизненного цикла, обычаев и законов кочевого населения Азиатских степей.

Уже в 20-х годах XIX века издатель журнала «Сибирский вестник» Г.И. Спасский опубликовал материалы по «быту, обычаям и нравам киргиз-кайсаков»¹ (Спасский 1820). Это был первый сводный труд как по истории, так и по этнографии казахского народа.

В 1830-х годах была опубликована работа востоковеда А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» (Левшин 1832), ставшая первой научной монографией, посвященной истории, географии и этнографии Казахстана. Автор использовал материалы архива Азиатского департамента МИДа, архива Оренбургской пограничной комиссии. Важное достоинство работы А.И. Левшина заключается в том, что он указал источники, откуда заимствовал приводимые им сведения. Третий том посвящен обзору «известий эт-

¹ Киргиз-кайсаки, киргиз-казаки — распространенное в литературе XVIII — начала XX в. название казахов.

нографического и статистического характера». Наиболее интересными являются материалы о размере калыма, свадебных и похоронно-поминальных обрядах, об обычном праве казахов.

Наряду с научными работами в середине XIX века появляется ряд публикаций ознакомительного характера по общей истории Степи. В 1848 году в серии «Военно-статистическое обозрение Российской империи» публикуется труд полковника И.Ф. Бларамберга о киргиз-кайсаках Букеевской (Внутренней) и Малой (Зауральской) орды², в котором приведено подробное и всестороннее описание степей, где расселялись казахи Младшего жуза, быта и основных занятий кочевников (Бларамберг 1848). В 60-х годах XIX века были опубликованы «Материалы для географии и статистики России», собранные офицерами Генерального штаба (Мейер 1865; Красовский 1868). При написании этнографической части своих работ авторы использовали сведения, собранные А.И. Левшиным, расширяя описание «внутреннего и внешнего быта местного населения» за счет собственных наблюдений. И.М. Казанцев, служивший в канцелярии Оренбургского края при генерале князе Г. Волконском, составил обобщающее «Описание киргиз-кайсаков» (Казанцев 1867). На фоне сведений политического и географического характера автор приводит замечания о нравах, привычках, национальном характере, обычаях казахов. Работа написана в стиле историко-географического очерка и следует существовавшей в то время стандартной схеме описания культурного и географического ландшафта.

Подобные описательные работы издаются в течение всего XIX века, в них характеризуются быт кочевников, географическое положение страны, климатические условия и природные богатства, приводятся истории правящих династий (Венюков 1861; Зеланд 1885; Краснов 1887; Харузин 1888; Алекторов 1893, 1894; Лавров 1904). Область интересов большинства авторов данных работ лежала за пределами этнографии, что не могло не отразиться на характере оставленных ими материалов. Их этнографические заметки отличаются лаконичностью. Описания нравов и обычаев «инородцев» не сопровождаются комментариями этнографического характера, а приводят-

² В источниках XIX века при обозначении таксономического подразделения «жуз» иногда употребляется термин «орда». В данном случае речь идет о Букеевской орде (образованной в 1801 году частью казахов Младшего жуза, откочевавших на запад в междуречье Волги и Урала), собственно о территории Младшего жуза (к востоку от р. Урал).

ся в качестве ознакомления с фактами из истории и географии страны. У авторов этих работ еще не сложилось представление о комплексном этнографическом изучении культуры. Целью публикаций было не научное изучение региона, а ознакомление широкой общественности со спецификой быта и нравов народов, населяющих территории, недавно вошедшие в состав Российского государства.

Тем не менее материалы, содержащиеся в вышеперечисленных и других работах того времени, в совокупности позволяют составить достаточно полную картину традиционного быта кочевых народов в конце XVIII — первой половине XIX века. Описания, оставленные авторами этого времени, особенно интересны тем, что сообщают о таких чертах жизни кочевников, которые к концу XIX — началу XX века оказались утраченными и не сохранились в памяти народа или же подверглись изменениям в связи с активной исламизацией региона и внедрением в жизнь кочевников российских законов и обычаев.

Во второй половине XIX века появляются специальные исследования этнографического характера по отдельным обрядам жизненного цикла кочевников, населяющих территорию Центральной Азии, публикуются подробные описания свадебных, погребальных и поминальных обрядов (Алтынсарин 1870а, 1870б; Плотников 1870б; Ибрагимов 1872, 1876; П... 1878; Подварков 1879; Даулбаев 1881; Леваневский 1895). С этого времени можно говорить об отделении собственно этнографического изучения центральноазиатского региона от традиции географических описаний. Большая часть этнографических материалов этого времени по народам Степи посвящена казахам.

Середина XIX века — это время формирования и выдвижения основных положений по вопросам изучения быта и нравов «иностранцев». Этот процесс происходил в рамках зарождения и развития этнографической науки в России. Во второй половине XIX века расширяет свою деятельность Императорское Русское географическое общество. Под его эгидой был осуществлен ряд научных экспедиций, целью которых был сбор материалов по традиционной культуре тюркских и монгольских народов Центральной Азии.

Повышение научного уровня публикуемых в этот период этнографических работ связано с изменением целей и задач исследований по культуре народов, населяющих центральноазиатский регион. Приоритетным направлением становится выработка программ и инструкций по управлению азиатскими народами, поиск путей возможного влияния на дальнейший ход их исторического и культурного развития

и постепенной интеграции в административную систему Российской империи. Одним из следствий новой политики стало привлечение представителей властной элиты и национальной интеллигенции к работе в местных государственных органах управления и научных обществах.

В этой связи нельзя не упомянуть о выдающемся казахском ученом, этнографе и просветителе Чокане (Мухаммеде-Ханафия) Чингизовиче Валиханове, научная деятельность которого теснейшим образом связана с историей русского востоковедения. В середине XIX века им были написаны замечательные работы по истории и культуре казахского народа (Валиханов 1961, I). Читая его произведения, поражаешься удивительному разнообразию тем, сюжетов, идей и гипотез, содержащихся в них. Исторические и этнографические сведения, собранные и проанализированные Ч. Валихановым, не утратили своего значения для науки до настоящего времени.

Традицию изучения культуры собственного народа продолжили Б. Даулбаев, действительный член Оренбургского отдела Русского географического общества, работавший в Обществе археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, семинарист Кудабай (Худабай) Кустанаев, просветитель и педагог Ибрай Алтынсарин. Их работы представляют значительный научный интерес. Так как они были лучше, чем европейские наблюдатели, знакомы с языком и культурой казахского народа, то смогли достаточно полно показать картину перемен, происшедших под влиянием исторических обстоятельств в национальном характере, обычаях и образе жизни населения степей.

По просьбе Г.Н. Потанина, известного русского этнографа, публициста и фольклориста, собравшего обширный материал по культуре, быту и народному творчеству многих тюркских и монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии, «Киргизская степная газета» опубликовала вопросник по поверьям, обычаям и обрядам тюркских народов региона (Потанин 1894). Каждое ответное сообщение печаталось в газете за подписью автора. Подразумевалось, что материалы будут поступать от местных краеведов, учителей, чиновников, интересующихся обычаями и традиционным бытом казахов.

Несколько ранее, в 1870-х годах, редакция газеты «Семипалатинские областные ведомости» начала печатать серию статей, целью которых было «ознакомить читателей с теми обычаями, которыми руководствуются киргизы (казахи. — *И.С.*), по крайней мере Средней Орды...» (Народные... 1871, № 5–7, 20, 32, 33, 37). За короткое время

вышли статьи, посвященные вопросам брака, праву наследования, традиционному этикету кочевников; были опубликованы заметки об обычаях и обрядах казахов. Редакция газеты просила читателей обратить внимание на эту рубрику, а знатоков традиционной культуры кочевников — прислать свои отзывы и дополнения к печатаемому материалу.

На страницах газет Омска, Тобольска, Семипалатинска, Ташкента можно найти материалы не только по этнографии, но и по истории, политическому положению казахов в XIX веке. В губернских, областных газетах помещали свои очерки о культуре кочевых народов как местные краеведы, так и известные ученые-этнографы. Изучение газетных статей, посвященных юридическому положению женщины, специфике брачных отношений кочевых народов (Киргизы. Этнографический очерк 1872; Загряжский 1874; Альджанов 1894; Женщина-киргизка 1886; Женщина у киргизов 1901; К вопросу об улучшении... 1908; Ходырев 1912), а также изучение соответствующих откликов на публикации позволяет составить представление об общественном мнении просвещенной части казахского общества по этим вопросам. Подобное исследование дает возможность обобщить разрозненные материалы и проследить процесс конструирования в средствах информации образа «новой» жизни кочевников, складывающегося под воздействием российских законов, а также выявить влияние внедрения этих законов на национальное самосознания рядовых кочевников. Помимо этого, газетные материалы содержат замечательные сведения по обрядам жизненного цикла, никогда не публиковавшиеся в центральных периодических изданиях (Слюз 1862; Киргизы. Этнографический очерк 1872; Погребение... 1864; Сорокин 1871; Народные... 1871; Чорманов 1871; Загряжский 1873; Михайлов 1882; Мухин 1881; Гродеков 1889б; Смерть... 1889; Букейханов 1900).

Значительный этнографический материал по рассматриваемой теме содержится в работе уже упоминавшегося Х. Кустанаева (1894). Автор, являясь воспитанником Туркестанской учительской семинарии, писал свой труд на основе собственных наблюдений. Изучая культуру «изнутри», Кустанаев приводит ряд сведений, не известных наблюдателям-европейцам. В частности, он останавливается в своей работе на специфике социального статуса женщины в кочевой среде: «...киргизская (казахская. — *И.С.*) женщина пользуется... широкой свободой, она не закрывает своего лица от посторонних и отличается непринужденностью в общении с ними. Женщина беспрепятственно

допускается в общество мужчин, принимает участие во всех народных увеселениях... нисколько не стесняясь ни соплеменников, ни чужеземцев» (Кустанаев 1894: 33–34).

Но нужно признать, что значительная часть европейцев в своих публикациях, напротив, отмечала бесправное положение казахских женщин по сравнению с мужчинами. Подобный взгляд на проблему являлся результатом сравнения культуры азиатских кочевников не с культурой оседлых мусульманских народов, а с европейской культурой, что приводило к односторонней трактовке многих традиционных обычаев и норм этикета. В основу описаний европейских авторов были положены оппозиции религиозного, национального, исторического характера, подчеркивающие различия двух цивилизаций. Тема относительной свободы женщины-мусульманки в кочевой среде, ее активное участие в общественной жизни по сравнению с положением женщины нормативной исламской культуры была позже продолжена в работах Б.А. Куфтина (1926).

Комплексному исследованию погребально-поминальных обрядов казахов посвящены работы И.В. Аничкова (1897) и Н.Ф. Катанова (1894). Материалы, содержащиеся в их работах, представляют исключительный интерес и помогают лучше понять роль и функции участников обрядового действия. Будучи представителем русской администрации, И.В. Аничков стал очевидцем годовых поминок у казахов. Им не только приводится детальное описание данного обычая, но и высказываются замечания об общественном значении подобного мероприятия. Нередко казахские *асы* рассматривались исключительно как увеселительное мероприятие, сопровождающееся разного рода играми и состязаниями. И.А. Аничков склонен видеть в традиции проведения годовых поминок «переживание старинного тюркского обычая». Он отмечает необходимость его изучения, особенно в том случае, «когда он не заглушен мусульманством» (Аничков 1897: 217).

Н.Ф. Катанов, впоследствии ставший преподавателем Казанского университета, по поручению Академии наук и Географического общества изучал в сравнительном отношении погребальные обряды «...бельтиров, сагайцев, каларов, каргинцев, карагасов, исповедующих христианство; урянхайцев, исповедующих буддизм (ламаизм); казак-киргизов и некоторых татар Китайского Туркестана, исповедующих мусульманство» (Катанов 1894: 1). Эта работа стала одним из первых исследований сравнительного характера по погребальным обрядам тюркских народов. В ней содержатся не только сведения о роли вдовы в погребальном обряде, но и многочисленные наблюдения за

поведением женщин во время траура. Такой метод сравнения погребальных практик, с точки зрения автора, позволял выделить степень влияния мировых религий на «исконные» обряды «инородцев».

Более ста работ и материалов по этнографии казахов было написано и опубликовано А. Диваевым — переводчиком, чиновником по особым поручениям при канцелярии Сырдарьинского военного губернатора, а в советское время — профессором Среднеазиатского университета в Ташкенте. А. Диваев уделял особое внимание «женской тематике». Им был описан и проанализирован свадебный обряд казахов, в том числе институт выплаты калыма, отношение женщин к сватам, традиция передачи подарков со стороны жениха женщинам из аула невесты.

Статья Диваева «Древнекиргизские похоронные обычаи» (Диваев 1897) является переводом рукописи Мулла-Кубея Токбулатова — жителя Ташкентского уезда из рода канлы (*қаңлы*). Им описаны поведение вдовы, правила облачения ее в траурные одежды, специфика годовых поминок. Особое внимание уделяется поведению женщины в быту, ее обязанности почитать мужчин и изменению поведения женщины после смерти супруга. Уже после Октябрьской революции, в 1922 году, в Трудах Общества изучения киргизского края выходит в свет работа А. Диваева «Приметы киргизов», где в разделе «О женщинах» приводятся народные приметы, характеризующие специфику отношения к женщине в традиционной культуре казахов (Диваев 1922: 131–137). В общей сложности Диваевым опубликовано одиннадцать работ, в которых затрагиваются вопросы, связанные с положением казахских женщин.

При обзоре источников необходимо специально остановиться на работе крупнейшего языковеда-тюрколога и этнографа В.В. Радлова. Его книга «Из Сибири» («Aus Sibirien») была написана в Казани на немецком языке, вышла в свет в Лейпциге в 1884 году и только в конце XX века была переведена на русский язык (Радлов 1989). Она представляет собой энциклопедическое собрание материалов о тюркских народах России и сопредельных стран. Большинство сведений, вошедших в книгу, были добыты В.В. Радловым в научных экспедициях. В пятой главе, названной «Тюркские степные кочевники», дана детальная характеристика быта, хозяйственных занятий, семейных отношений, верований казахов. Некоторые из этнографических наблюдений и заключений В.В. Радлова были дополнены и доработаны автором в его знаменитом «Опыте словаря тюркских наречий» (Радлов 1899–1911).

В процессе изучения традиционной культуры кочевых народов авторы XIX века отмечали специфику ислама у азиатских кочевников по сравнению с другими мусульманскими народами. Естественно, что при описании обрядов жизненного цикла исследователи обращали внимание на наличие в них «языческих элементов», объясняя сложившуюся религиозную ситуацию «непросвещенностью» кочевников в области мусульманской традиции (Броневский 1830: 96; Вамбери 1874: 263–383; Харузин 1888: 107–108; Поярков 1891: 23; Кастанье 1912; Валиханов 1961, I: 370 и др.). Оценки, как правило, однозначные: «Мало знакомы с основаниями магометанской религии, даже не знают имени своего Пророка...» (Поярков 1891: 21–22). Показательны пример и комментарии, к нему приводимые А.И. Левшиным: «“Какой вы веры?” — спросил я однажды двух киргиз-казаков. “Не знаем”, — отвечали они. Ответ сей услышите от большей части их соотечественников. И в самом деле трудно решить, что такое киргизы: магометане, манихейане или язычники?» (Левшин 1832, III: 52).

Может показаться, что в системе самоидентификации кочевых народов конфессиональный фактор не имеет значения. Однако нужно учитывать субъективность оценок некоторых авторов, передающих личное отношение исследователя к исламу. Отсутствие, по мнению ряда авторов, строгого исполнения культовых предписаний ислама еще не означало низкого статуса этой религии как символа этнической общности. Неисполнение подобных предписаний не лишало кочевников основания считать себя членами мусульманской общины — «уммы» (Попова 1998: 46–47). В данном случае уместно говорить о существовании региональной формы ислама у казахов как в досоветский период, так и в настоящее время.

В 20-х годах прошлого века Ф.А. Фиельструп собрал значительный корпус материалов по этнографии казахов и киргизов (кыргызов). Ряд ценных данных по интересующей нас тематике, к сожалению, не был опубликован из-за гибели ученого, репрессированного в 1933 году. В настоящее время архив Фиельструпа хранится в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Ф.А. Фиельструп специально интересовался обрядами жизненного цикла кочевников Центральной Азии и собрал богатый материал по традиционной культуре казахов и кыргызов. Некоторые из этих сведений были опубликованы в последние годы (Губаева 2001; Фиельструп 2002).

В советское время приоритетным направлением в этнографической науке становятся поиск и выявление архаизмов и пережиточных форм традиционной культуры. Обряды жизненного цикла рассматри-

ваются в сравнительно-типологической перспективе. Диахронный характер исследований позволяет в полной мере зафиксировать процессы трансформации и модернизации правовых норм и обрядовой жизни казахов в начале — первой половине XX века.

В послевоенные годы выходят в свет работы, посвященные исследованию быта казахских колхозов (Сабитов 1956; Востров 1956; Культура и быт... 1967). Несмотря на то что эти труды содержат немалый и весьма ценный историко-этнографический, полевой материал, основной их целью являлось освещение «достижений советского образа жизни», показ на многочисленных примерах «модернизации» повседневной, в том числе и семейной, жизни казахов.

Но именно с середины XX века начинают появляться научные работы, посвященные не просто обзору казахской культуры, а изучению конкретных ее феноменов — костюма, жилища, обрядов жизненного цикла. К сожалению, научные труды о специфике возрастной структуры казахского общества, традиционном воспитании детей и подростков, этикетном поведении девушек и женщин в разные периоды жизни появляются только во второй половине XX века. Таких работ сравнительно немного (Задыхина 1951; Амантурлин 1977; Толеубаев 1978; Мухамбетова 1989; Лобачева 1989; Шаханова 1993, 1998: 138–152; Коновалов, Шаханова 1998; Обычай и обряды казахов... 2001). При этом к весьма слабоизученным направлениям следует отнести изучение традиционных методов и способов социализации казахских детей. Среди исследований по этой проблеме можно лишь отметить кандидатскую диссертацию С.П. Кульсариевой, основанную на материалах послевоенного периода (2001а; 2001б). Материалы по этой специфической теме в дореволюционных источниках фрагментарны. К тому же традиционно исследователи описывали особенности поведения человека в те или иные периоды его жизни чаще всего на примере мужчин. А женская субкультура оставалась неосвещенной, например, материалы по особенностям воспитания, игрового и повседневного поведения казахских девочек и девушек привлекались только в качестве сравнений к основному тексту, описывающему специфику поведения мальчиков и юношей.

Особого внимания заслуживает проблема соотношения традиционной обрядовой и нормативной практики насельников Казахской степи и «классического» ислама. В целях поиска доисламских верований в традиционной культуре кочевых народов в советской этнографии происходит сопоставление обрядов жизненного цикла казахов с исламской традицией, рассматривается ее влияние на местные фор-

мы религии в центральноазиатском регионе. Авторы работ, которые могут быть отнесены к этому направлению исследования религиозной системы кочевников, исходят из представлений о существовании классического «правильного» варианта ислама и его искажений при столкновении с местными доисламскими формами религии.

Эта точка зрения на традиционные верования кочевых и полукочевых народов Центральной Азии остается господствующей в этнографической науке вплоть до настоящего времени. Религиозные представления казахов оцениваются исследователями как проявления «народного бытового ислама», сложившиеся в результате «взаимовлияния и взаимодействия реликтов домусульманских верований и ислама». Таким образом, религиозная система степняков характеризуется как «мировоззренческий синкретизм» и расчленяется на «ортодоксальный ислам и домусульманские реликтовые представления» (Коновалов 1987; Толеубаев 1991; Мустафина 1992, 1997; Акатай 2001). Интерес, проявляемый исследователями к «доисламским традициям» в обрядах и ритуалах центральноазиатских народов, является, по сути, реакцией на запрещение в Советском Союзе изучать ислам, особенно его проявления в повседневной жизни.

В науке XIX века распространенным термином, указывающим на специфику религиозной ситуации в регионе, было «двоеверие». Его использование позволяло рассматривать домусульманские верования и мусульманскую традицию как равноправные составляющие религиозной системы. В советской науке появляется термин «доисламские верования». При синхронном рассмотрении религиозной системы доисламские верования были отнесены к разряду «застывших архаизмов», «пережитков традиционного быта», искажающих нормативный ислам. По мнению С.Н. Абашина, само выражение «доисламские пережитки», часто используемое в советской и российской науке, является крайне неудачным. Оно сводит процесс взаимодействия ислама и других религий или представлений к однолинейной схеме, их многовековое взаимовлияние игнорируется (Абашин 2003: 8). Приходится согласиться с исследователем, что более правильным было бы говорить не о «доисламских пережитках», а о «неисламских элементах в исламе» и о местных исторических формах существования ислама в Центральной Азии.

Проблеме исследования доисламских верований у казахов посвящены, в частности, работы В.В. Вострова (1959), С.Н. Акатаева (1973), А.Т. Толеубаева (1991), Р.М. Мустафиной (1992), В.Н. Баилова и Дж.Х. Кармышевой (1997). Из работ последнего времени следует

отметить сборник «Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем» (2001), в котором опубликован ряд статей, касающихся вышеотмеченного вопроса; монографию Ж.Т. Ерназарова (2003).

Но при этом необходимо указать на то, что многие авторы, на наш взгляд, смешивают генезис внешних форм обрядов и верований и их функциональную роль в культуре. Традиционные верования являются органической частью религиозной системы, отдельные составляющие которой при хронологическом рассмотрении могут иметь доисламское происхождение, но не воспринимаются самими носителями традиции в качестве таковых. Хотя в диахроническом отношении ряд религиозных практик может быть отнесен к местным доисламским верованиям, в рассматриваемую историческую эпоху они оказываются органической составной частью *центральноазиатской региональной мусульманской традиции*. Поэтому при синхронном анализе собственно «доисламские» представления не всегда поддаются четкому вычленению и их стандартная характеристика как «неисламских» реликтов и обычаев кажется не всегда корректной. Традиционная и исламская культуры не противостоят друг другу как независимые образования, а находятся в отношении взаимодополнительности в рамках единой системы. Кроме того, ряд «неисламских» («языческих» с точки зрения «книжного» варианта ислама) представлений³ мог попасть в культуру местных народов вместе с исламом, в процессе его распространения в центральноазиатском регионе.

Степень влияния шариата на правовую и религиозную жизнь населения Центральной Азии зависела как от географического расположения, удаленности области их расселения относительно центров распространения ислама, так и от исторических условий социально-экономического развития. Бытует мнение, что шариат рассчитан на определенный порядок оседлого быта и поэтому быстрее принимается жителями городов и оседлым сельским населением, в среде которых роль официального мусульманского духовенства была более сильна, чем среди кочевого населения степей. Ислам «в чистом виде» не мог привиться у кочевников, так как эта религия для своего полноценного функционирования нуждается в городской инфраструктуре (Кодар 1998: 59–60). Этот взгляд на специфику процесса исламизации региона остается наиболее популярным до настоящего времени.

³ Правильнее было бы назвать эти представления «народным исламом» и отнести их к повседневным проявлениям религиозности.

Традиционно исламоведы рассматривают ислам как нечто единое и по форме, и по содержанию. Анализ, критика этой религиозной системы, оценка степени внедрения ее в исследуемом регионе нередко ведется сугубо «теоретически»: по линии Корана, шариата, мазхабов (религиозно-правовых школ) и т.д. При этом не делается принципиального различия между мировоззрением *‘уламā*⁴ и «неграмотных крестьян» (Поляков 1990: 220). Хотя феномен «бытового или народного ислама» проявляется практически во всех сторонах жизни населения центральноазиатского региона. Он включает как особенности религиозной системы, так и семейную экономику, структуру семьи, межличностные отношения в семье и многое другое.

Принимая во внимание специфику религиозной ситуации в регионе, можно говорить о большей ориентированности мужчин на «классические» нормы ислама по сравнению с женщинами. Оставаясь изолированными в своей семье, то есть в ближнем окружении, женщины следовали и в быту, и в религиозных практиках традиционным нормам.

Так, путешествуя по Средней Азии, А. Вамбери писал о «суевериях» женщин у кочевников, понимая под «суевериями» обычаи и обряды, не соответствующие нормам «классического» ислама и в хронологической перспективе предшествующие появлению ислама в этом регионе: «Суеверие, особенно развитое между женщинами, поистине стоит самого серьезного изучения. Оно охватывает собою как четырехлетнюю девочку, так и старую женщину... Суеверные обряды строго соблюдаются и при раскидывании палатки, и при доении скота и варке пищи, при прядении и тканье, и даже гораздо строже, чем законы ислама...» (Вамбери 1868: 276). В то же время некомпетентность женщин в религиозных основах ислама позволила этнографу Г.П. Снесареву, исследовавшему традиционные верования населения Хорезма, говорить о так называемой «женской религии», сложившейся у женской половины населения центральноазиатского региона. Эта «религия» не отрицала основ ислама, но при этом ориентировалась и на местные «доисламские» религиозные представления. Г.П. Снесарев считал, что «многообразный комплекс религиозных представлений и действий — анимистических, магических представлений, культа предков и природы, культа святых и их могил... всегда коренится в глубинах семейного быта... хранителем пережитков этого

⁴ *‘Уламā* — ученые-богословы как в сфере теории, так и в области традиционных форм судопроизводства на основе шариата.

рода является женщина» (Снесарев 1957: 62). В отличие от мужчин, женщины были ориентированы на исполнение «домашних» религиозных культов. Р.Р. Рахимов в ряде своих работ обращает внимание исследователей-этнографов на повышенную, по сравнению с мужчинами, степень «двурелигиозности» в поведении и представлениях о мире азиатских женщин, которая включает элементы как собственно ислама, так и «не-ислама» — наследия доисламских времен (Рахимов 1999: 104–117; 2001: 449–465; 2003: 188; 2004: 328–330).

Ислам нередко определяют как религию преимущественно мужчин. Многие исламские религиозные представления воспринимались казахскими женщинами посредством наблюдения за поведением мужчин в семье. Впрочем, знакомство и мужской части населения степей с религиозными и правовыми основами ислама было достаточно поверхностным. Оседлое земледельческое население и жители городов Центральной Азии всегда считали кочевников-степняков *каффирами* — безграмотными «язычниками», не соблюдающими в полной мере заповедей последователей Пророка. На этом фоне «женская религия» кочевников отстояла еще дальше от «классических» основ ислама, чем взгляды рядовой части мужского населения.

Изучение этнографических материалов по теме исследования позволяет сделать следующие выводы. К сожалению, источники этнографического характера XIX — начала XX века имеют один существенный недостаток. В большинстве случаев авторы, описывая тот или иной обряд, приводят свою интерпретацию описываемого действия, основываясь на общих знаниях по традиционной культуре кочевников, и лишь в редких случаях обращаются за разъяснением к непосредственным участникам обряда. Возможно, это связано с незнанием самими наблюдателями казахского языка. Если программы сбора юридических обычаев кочевников еще в досоветское время были поддержаны на государственном уровне, то этнографы, краеведы часто испытывали недостаток финансовых средств и в силу этого сталкивались с рядом объективных трудностей при сборе материала.

Этнографические материалы, собранные в советское время, также имеют свою особенность. К сожалению, этнографов этого периода мало интересовала современная культура. Основным направлением долгое время были поиск и фиксация «архаизмов» в материальной и «пережитков» в духовной культуре изучаемых народов. Предпочтение отдавалось фиксации и описанию *значительных* событий и обрядов жизненного цикла, а не повседневной, скажем, семейной жизни, которая на самом деле при направленном изучении оказывается не

менее интересной и информативной для исследователей. Кроме того, ряд публикаций советского времени предоставляет читателю во многом идеализированную и далеко не всегда соответствующую действительности картину жизни казахов.

Поэтому на сегодняшний день XX век является для этнографов своего рода лакуной — реальную жизнь казахов в этот период можно лишь отчасти реконструировать, и большое значение в связи с этим приобретают новые полевые этнографические исследования, позволяющие зафиксировать воспоминания стариков — реальных участников повседневной жизни недавнего прошлого. Этнографические исследования также дают возможность составить представление о современном социальном статусе казахской женщины, зафиксировать те традиции, которые существуют до настоящего времени или, наоборот, ушли в прошлое. К тому же именно полевые исследования позволяют увидеть и понять отношение самих казахов к своей истории и культуре.

1.2. Историко-юридические материалы

Как уже было сказано, значительную часть материалов по культуре кочевых народов Центральной Азии составляют исследования в области обычного права. По мере того как шел процесс включения центральноазиатского региона в сферу политических и экономических интересов России, русские чиновники стремились не только описать и изучить, но и изменить нормы обычного права, приспособив их к интересам имперской колонизаторской политики. В России довольно рано произошло отделение юридической антропологии, изучающей возникновение и развитие ранних форм правовых систем, от всеобщей истории права. После реформ 1860-х годов наблюдается значительное повышение интереса российских ученых не только к русскому обычному праву, но и к «иностранческим» юридическим обычаям. Были выработаны специальные программы по изучению юридического быта; в работу включились офицеры Генерального штаба, чиновники, деятели статистических комитетов, различных научных обществ, представители местной интеллигенции. В начале XIX века российские военные начали составлять первые своды казахского адата со слов его знатоков. Со второй половины XIX века началось этнографическое изучение юридических норм, регламентирующих жизнь кочевников Центральной Азии. Систематическая